

УДК 930.1

Исторический источник как «след прошлого»: историко-эпистемологический анализ

Евстратьев Олег Игоревич

В статье рассматривается проблема исторического источника как «следа прошлого» с точки зрения исторической эпистемологии. Данный подход позволяет представить в диалектическом единстве прошлое как объект изучения историка и современность как среду, в которой осуществляется его деятельность. Особое внимание в статье уделено рассмотрению этапов исторического исследования в соответствии с данной концепцией.

Ключевые слова: исторический источник, «след прошлого», историческая эпистемология.

Євстратьєв Олег. **Історичне джерело як «слід минулого»: історико-епістемологічний аналіз.** У статті розглядається проблема історичного джерела як «сліду минулого» з точки зору історичної епістемології. Даний підхід дозволяє представити в діалектичній єдності минуле як об'єкт вивчення історика і сучасність як середовище, в якому здійснюється його діяльність. Особливу увагу в статті приділено розгляду етапів історичного дослідження відповідно до цієї концепції.

Ключові слова: історичне джерело, «слід минулого», історична епістемологія.

Yeustratsyev Aleh. **The historical source as a “trace of the past”:** **historico-epistemological analysis.** The article deals with the problem of a historical source as a “trace of the past” from the point of view of the historical epistemology. This approach allows us to represent the past as an object of the study of historian and present as an environment of his activities in the dialectical unity. Special attention is being paid to the steps of a historical research in accordance to this concept.

Keywords: historical source, “trace of the past”, historical epistemology.

В условиях роста научной междисциплинарности и общественной значимости исторической науки, расширения её проблемного поля и круга используемых источников от исследователя требуется особая обстоятельность в деле оценки применяемых им теорий и методов, которые зачастую воспринимаются априорно. Подобная саморефлексия становится возможной лишь в случае выхода за дисциплинарные рамки

© Евстратьев О., 2016

исторической науки в «заповедное поле» философов. Это обстоятельство не остановило некоторых выдающихся историков, среди которых И. Г. Дройзен, Р. Дж. Коллингвуд, М. Блок, А. Я. Гуревич, Ю. И. Семёнов и др., чья метаэпистемологическая рефлексия об истории, по словам немецкого философа А. Буллера, «оказалась не только довольно успешной, но и очень полезной как для историков, так и для философов, потому что благодаря «вмешательству» историков в процесс философской рефлексии об исторической науке эпистемология истории смогла сохранить тесную связь с практикой исторических исследований» [2, с. 8-9]. Рассуждения немногочисленных историков, занимавшихся историсофским осмыслением своей собственной деятельности, легли в основу настоящей работы. Однако поднятая нами проблема до сих пор специально не рассматривалась в научной и философской литературе.

Очевидно, что исторический источник является единственным «мостиком», связывающим историка с прошлым. Именно на его основании и под влиянием индивидуальных факторов исследователь создает историческое повествование. Поэтому, как отметил британский историк Р. Дж. Коллингвуд, «фактом, привлекающим внимание философа, является не прошлое само по себе, как для историка, и не мысль историка о нем, как для психолога, но то и другое в их взаимном отношении» [8, с. 6].

Таким образом, целью настоящей работы является историко-эпистемологическая рефлексия над проблемой взаимосвязи исторического источника и историка. Историческая эпистемология задает вопросы «об истории», выходя за ее пределы. По замечанию А. Буллера, «историческая эпистемология стремится познать не процессы и события прошлого, а логику познавательных шагов историка» [2, с. 8], что делает ее историсофской дисциплиной. Данный подход, с нашей точки зрения, позволяет исследователю осознанно подходить к историко-философским основам своей деятельности и сохранить научную честность на «минном поле» исторического субъективизма и вольных интерпретаций.

По мнению российского историка В. И. Герье, «история отличается от других наук главным образом тем, что не имеет дела непосредственно со своим материалом, т.е. с историческими событиями, но видит только отражения, которые они произвели на очевидцев и ближайших к ним свидетелей» [3, с. 113]. Эти отражения доступны нам в виде исторических источников, составляющих основу исторического знания. Внимание на данное обстоятельство обратил также И. Г. Дройзен. По его словам, «данными для исторического опыта и исследования являются не прошлые времена – они минули, – а непреходящее, то, что от них осталось

в данный момент, т.е. Злесь и Теперь» [5, с. 462]. Можно заметить, что исторический источник представляет собой, выражаясь словами французского философа П. Рикёра, «присутствие отсутствующего», или «след прошлого».

Представление об источнике как о «следе прошлого» появилось относительно давно. Еще в конце XIX в. французские историки Ш.-В. Лангла и Ш. Сеньобос указывали, что «история пишется по документам. Документы – это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей» [9, с. 49]. М. Блок, в свою очередь, задавал вопрос: «Что понимаем мы под словом «источник» если не след, т.е. доступный нашим чувствам знак, оставленный феноменом, который сам по себе нам недоступен?» [1, с. 33]. Пристальное внимание понятию «след прошлого» уделила немецкий философ Сибилле Кремер. Она выделила следующие его признаки:

1. Отсутствие (след указывает на отсутствие чего-то или кого-то, не делая его присутствующим и даже не показывая само отсутствующее).
2. Способность к ориентированию (след существует лишь в когнитивном пространстве следующего ему, при этом соответствия интересам и целям этого человека).
3. Материальность (любой след доступен чувственному восприятию человека).
4. Нарушенность (след становится заметным лишь при условии нарушения привычного порядка вещей; след есть вторжение Потустороннего в привычное для нас Посюстороннее, что позволяет «следам прошлого» становиться заметными историку).
5. Немотивированность (следы оставляются непреднамеренно).
6. Зависимость от наблюдения и действия (какая-либо вещь становится следом лишь в контексте целенаправленного интереса познающего субъекта; «следы рождаются в глазах наблюдателя»).
7. Интерпретативный, нарративный, многозначный характер (о следе можно лишь рассказать, предварительно проинтерпретировав его одним из множества возможных способов в зависимости от целей познания).
8. Асинхронность (оставившего след и читающего его всегда разделяет временное пространство, которое формирует саму структуру следа, что позволяет говорить о его двойной темпоральности).
9. Одномерность и необратимость (след нельзя изменить; «разговор» с ним всегда носит односторонний, со стороны историка, характер; никакого диалога со следом наладить нельзя).
10. Посреднический, гетерономный, пассивный характер (след есть лишь «посыльный» прошлого, говорящий чужими голосами, лишь передающий информацию) [13, с. 14-18].

Таким образом, любой объект актуальной действительности, созданный некогда человеком и доступный непосредственному наблюдению, представляет собой «след прошлого». Ничего, кроме этих «следов», исследователю недоступно. «Всякая же мысль и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда и не существовал» [9, с. 49].

Но сами по себе эти «следы» являются историческими источниками лишь потенциально. Для того чтобы тот или иной предмет современности как «след прошлого» стал испускать свет знаний о своем происхождении и прошлом окружении, его надо привести в особое состояние, что под силу лишь историку, поскольку «он обладает способностью воспринимать предметы своего настоящего в особом имагинарном и “идеальном пространстве”, в котором прошлое оживает и приобретает конкретный образ» [2, с. 29–30]. П. Рикёр, подчеркивая активную роль «следа прошлого» в плане активизации познавательного процесса, говорил, что «след есть знак и действие в одном» [14, с. 193]. Также и Р. Дж. Коллингвуд отметил, что «доисторические кремневые орудия или римская керамика для будущих поколений становятся историческими свидетельствами не потому, что люди, создавшие их, считали их таковыми, а потому, что мы расцениваем их как исторические свидетельства» [8, с. 15].

Таким образом, историко-эпистемологическое понимание источника как «следа прошлого» позволяет представить в диалектическом единстве прошлое как объект изучения историка и настоящее как среду, в которой осуществляется его деятельность. В данном контексте историк предстает как наблюдатель, исследующий прошлое, имманентно присутствующее в настоящем и зафиксированное в виде «следов-источников», с определенных позиций и с помощью особых методов. Только во взаимодействии историка и «следа-источника» в особом пространственно-временном измерении, в котором одновременно присутствует прошлое и настоящее и которое А. Я. Гуревич называл «территорией историка» [см. 4], возможно появление исторического нарратива.

Каков же механизм этого взаимодействия? Инициатором его выступает историк. Именно он формулирует вопрос, актуализирующий определенный фрагмент прошлого. Причем данный вопрос обусловлен не прошлым самим по себе, а «ставшим таковым настоящим». Постановку проблемы, а вслед за ней и научной гипотезы, можно считать одним из важнейших этапов всего исторического исследования, поскольку он определяет его границы: ведь ни одному историку не под

силу «исследовать и предсмагивать все взаимосвязи реальной жизни [...]». Только ограниченная прошлое, историк может (ре)конструировать его» [2, с. 51], стремясь, в конечном счёте, понять, как прошлое повлияло на настоящее, – а также направленно: перспектива видения прошлого исследователем, по замечанию немецкого историка И. М. Хладениуса, определяется его «пунктом наблюдения» (*Seherpunkt, Standpunkt*) [см. 2, с. 13], который обуславливает интересующую историка проблему и горизонт видения прошлого. Таким образом, уже на первом этапе научной работы историк должен понять, что именно он, а не источник, несёт ответственность за то, что включается в исторический нарратив.

На втором этапе исследования историк вводит релевантные «следы прошлого» в проблемное поле, т.е. осуществляет отбор тех «следов», которые были оставлены актуализированным на первом этапе фрагментом прошлого. По мнению А. Буллера, «условием реализации этой возможности является когнитивная способность субъекта “узнавать” в предметах своего настоящего “следы” и “остатки” прошлого» [2, с. 134]. В поисках полезной информации о событиях прошлого имеет смысл обращать внимание на любой «след», не ограничиваясь лишь анализом письменных источников, хотя они и являются наиболее информативными. Историка интересуют не сами эти «следы» как материальные объекты, не их химический состав или строение, но их человеческие качества, т.е. их свойство транслировать определенную информацию о человеке. Для того чтобы вычленивать эту информацию, «следы прошлого» необходимо прочитать, выяснив их буквальное значение и смысл, в связи с чем они вводятся в научный оборот, превращаясь в исторические источники.

Третий этап исследования начинается с прочтения «следов-источников» и попытки выделить из них отдельные факты. В этом контексте крайне важно учитывать диалектику триединства «историк» – «след прошлого» – «источник». Ведь, по замечанию российского историка О. М. Медушевской, «исторический факт не есть нечто, данное непосредственно в восприятии» [5, с. 60]. Он имманентно содержится в «следе прошлого», который, как было показано выше, рождается лишь в сознании историка. Задавая «следу прошлого» различные вопросы, исследователь сможет обнаружить интересующие его факты. Но сами эти факты не есть факты объективной реальности, поскольку они опосредованы, с одной стороны, человеком или людьми прошлого, оставившими «след», и, с другой стороны, историком, прочитавшим этот «след» как исторический источник. Прошлое как «вещь в себе» нам недоступно. Лишь будучи опосредованным автором «следа» и историком, определенным образом прочитавшим, т.е. проинтерпретировавшим

Евстратъев О. Исторический источник как «след прошлого»... 119
этот «след», оно становится «вещью для нас» в виде исторического повествования.

На подобный характер факта вслед за М. А. Бартом обратил внимание советский историк Д. И. Ковальченко. Он выделил три типа исторических фактов: 1. Факты исторической действительности; 2. Факты исторического источника («сообщение источника»); 3. Научно-исторические факты («факты-знание») [7, с. 143]. Таким образом, факт исторической действительности, отраженный в «следе-источнике», прежде чем попасть в историческое повествование, подвергается как минимум двойному опосредованию: автором «следа-источника» и историком. Важно отметить, что видение исторических фактов историком обусловлено научной теорией, проблемой и гипотезой, выдвинутыми на первом этапе исследования, а также множественными внеучными факторами [11]. Поскольку «след прошлого» всегда есть знак, среди основных дисциплин, определяющих методику его научной обработки в качестве исторического источника, можно выделить герменевтику и семиотику.

Добравшись до исторического факта, исследователь получает лишь фрагментарное и опосредованное знание о прошедших событиях, поскольку, согласно наблюдению российского историка Ю. И. Семёнова, «установление факта есть вырывание момента действительности из самой действительности» [11]. Но для понимания прошлого необходимо объединить эти отдельные факты разной сложности и характера в единое целое. В отличие от естествоиспытателя, имеющего возможность дробить целостную и доступную его чувственному восприятию реальность на части, как ему удобно, историк, наравне с детективом, имеет дело с уже раздробленной действительностью, доступной ему не непосредственно, но лишь в виде отдельных «следов прошлого», своего рода груды обломков, не представляющих по отдельности особой ценности. Ведь отдельная улика не может дать целостной картины преступления, необходимой для выяснения личности преступника? Также и историк не сможет добиться разрешения поставленной им на первом этапе исследования проблемы, опираясь лишь на отдельные «следы-источники» и факты, почерпнутые из них, вне их взаимной связи. По словам Ю. И. Семёнова, «выявление связей между фактами обычно именуется их истолкованием (интерпретацией), а результатом этого процесса – пониманием фактов, а тем самым и их объяснением» [11].

Процесс объединения раздробленных фактов в единую историческую картину Ю. И. Семёнов называет холизацией [см. 11; 12, с. 93–94]. Процесс этот предполагает существование некой идеи, которая «выступает в

качестве своеобразного клея, с помощью которого факты соединяются в единое целое» [11]. Именно на стадии холикации открываются широкие возможности для различных интерпретаций тех или иных фактов, а также того, что принято именовать фальсификацией истории. Ведь идея, на основании которой осуществляется объединение фактов в единое целое, формулируется исключительно самим историком. Некоторые мыслители в этой связи утверждали, что историк не реконструирует, т.е. восстанавливает, прошлое, а конструирует его, т.е. создает заново [см. 10]. Ситуацию усложняет также отсутствие достаточного количества «следов прошлого» для восстановления прошедшей действительности, что вынуждает исследователя использовать свою фантазию с тем, чтобы заполнить белые пятна.

Особенно ярко все эти особенности исторического познания выступают на четвертой, последней стадии исследования, которая заключается в создании исторического повествования. Задача в данном случае сводится к использованию знаков, общедоступных для современников историка и обозначающих интерпретированный определенным образом «след прошлого». Мало того, что картина прошлого, получившаяся у исследователя, опосредована как минимум тремя ступенями интерпретации: на уровне «следа прошлого» тем, кто его оставил; на уровне исторического источника историком, вычленившим из него определенные факты; и на уровне холикации, – в конечном счете все это преподносится читателю в отличной от изучаемой прошлой действительности знаковой системе. Исторический нарратив, как общественно значимый результат научной деятельности историка, равно как и исторический факт, есть продукты взаимодействия трёх нераздельных элементов: историка, «следа прошлого» и исторического источника.

Таким образом, ученому-историку в его стремлении объективно реконструировать прошлое, приходится сталкиваться с множеством трудностей, в основе которых лежит специфический характер объекта исторической науки. По словам А. Я. Гуревича, в случае с исторической наукой «под объектом принято подразумевать неположенный нашему сознанию фрагмент мира. Это историческое прошлое, “каким оно, собственно, было”. Но приходится признать, что история в этом смысле недоступна нашему познанию. То, что мы, историки, изучаем, есть именно предмет, т.е. тот образ прошлого, который возникает перед нашим умственным взором, когда мы формулируем свои вопросы. Это тот образ прошлого, который в результате наших настойчивых усилий создается из дошедших до нас посланий исторических источников» [4,

Евстратъев О. Исторический источник как «след прошлого»... 121 с. 84-85]. Предмет истории можно представить в виде нераздельной триады «историк» – «след прошлого» – «источник» (см. схему 1), связанной нитями интерпретаций, которые во многом обуславливаются субъективными и внеучеными факторами, воздействующими как на историка, так и на оставившего «след». Выйти за пределы этого порочного круга не представляется возможным. Остаётся лишь подчинить его себе, регулярно подвергаясь «целебной процедуре» историко-эпистемологической саморефлексии.

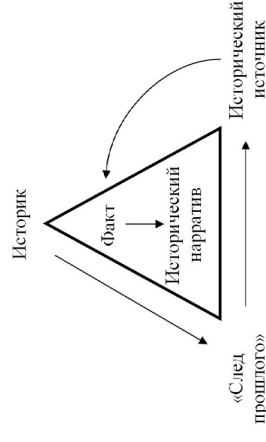

Схема 1. «Рождение» исторического нарратива.

По замечанию Ю. И. Семёнова, «прошлое человечества не зависит от сознания историка. Можно спорить о том, каким бы оно могло быть, но оно было именно таким, а не иным, в этом смысле оно безальтернативно. Историк не создает и не может создать прошлое, он его отражает, воспроизводит, воссоздает, реконструирует на основе источников, которыми располагает. И его задача состоит в том, чтобы воспроизвести, воссоздать это прошлое как можно точнее» [11]. Эта задача представляется достаточной для обоснования научного статуса истории. Чтобы достичь её, историку имеет смысл отказаться от навязывания «следам прошлого» тех проблем и их решений, которые актуальны для современного ему общества, но лишь задавать им вопросы, позволяющие раскрыть прошлое с новой стороны. Представляется важным иметь в виду, что «след прошлого» есть знак, но особый знак, понятный в полной мере лишь тем людям прошлого, кто оставил его. Чтобы этот «след» смог ответить на наши вопросы, его надо «перекодировать» понятным «следу» образом; нужно как бы погрузиться с нашим вопросом, обусловленным актуальной нам действительностью, в семантическую структуру «следа прошлого» со всеми его особенностями, перевести наш вопрос на язык, понятный «следу прошлого». Имеет смысл избегать вопросов о «капитализме в Древнем Риме, тоталитарном режиме Ивана Грозного или тоталитаризме в идеале якобинства», а также

методологічних анахронизмов, вроді «інтеллігентів» времен Юлія Цезаря, и ветеранов “революционных армий” периода гражданских войн, и “крупных капиталистов Рима”, и “богатых представителей муниципальной буржуазии» и т.п. [10, с. 82] Лишь тогда мы сможем получить ответ в контексте изучаемого фрагмента прошлого, что и является конечной целью исторического исследования [см. 4].

Література:

1. Блок, М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – М., 1986.
2. Буллер, А. Введение в теорию истории / А. Буллер. – М., 2013.
3. Герье, В. Очерк развития исторической науки / В. Герье. – М., 2011.
4. Гуревич, А. Территория историка / А. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. – М., 1996. – С. 81-109.
5. Дройзен, И. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории / И. Дройзен. – СПб., 2004.
6. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Данилевский, В. Кабанов, О. Медушевская, М. Румянцева. – М., 1998.
7. Ковальченко, И. Методы исторического исследования / И. Ковальченко. – М., 2003.
8. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М., 1980.
9. Ланглуа, Ш.-В., Сеньобос, Ш. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. – М., 2004.
10. Савельева, И., Полетаев, А. О пользе и вреде презентизма в историографии / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // «Цель времен»: Проблемы исторического сознания. – М., 2005. – С. 63-88.
11. Семёнов, Ю. История (историология) как строгая наука [Электронный ресурс] / Ю. Семёнов. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_155.html. Доступ: 17.05.2016.
12. Семёнов, Ю. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю. Семёнов. – М., 2003.
13. Krämer, S. Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle? / S. Krämer // Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. – Frankfurt am Main, 2007. – S. 11-33.
14. Ricœur, P. Zeit und Erzählung. In 3 Bde. / P. Ricœur. – München, 1991. – Bd. III: Die erzählte Zeit.

УДК 94(477.83-25)«16/17»: [687:657.474.22]

Цехова книга кравецького цеху як джерело до історико-демографічної характеристики Львова XVII – початку XVIII ст.

Паславська Наталія Орестівна

У статті охарактеризовано цехову книгу, що містить записи про прийняття на навчання та визволення учнів кравецького цеху. Представлене джерело дає можливість скласти уявлення не лише про виключно ремісничє середовище кравецької корпорації, але й доповнити та скоригувати результати історико-демографічних досліджень Львова.

Ключові слова: цехова книга, кравецький цех, Львів.

Паславская Наталья. Цеховая книга портновского цеха как источник для историко-демографической характеристики Львова XVII – начала XVIII вв. В статье охарактеризовано цеховую книгу, содержащую записи о приёме на обучение и освобождении учеников портновского цеха. Указанный источник даёт возможность составить представление не только об исключительно ремесленной среде портновской корпорации, но и дополнить и скорректировать результаты историко-демографических исследований Львова.

Ключевые слова: цеховая книга, портновский цех, Львов.

Paslavska Nataliya. Craft book tailoring shop as a source for historical and demographic characteristics of the city XVII – early XVIII century. This article describes tailoring workshop book of records that contains entries of acceptance for studies and liberation students tailoring shop. Submitted source enables an idea not only about the environment only craft tailoring corporation, but also to supplement and adjust the results of historical and demographic research the history of the city.

Key words: tailoring workshop book of records, tailoring workshop, Lviv.

Важливим джерелом для дослідження історії ремісничих корпорацій Львова є цехові книги, куди, як правило, записувались дані про хід і результати щорічних виборів старших цеху, протоколи засідань цеху, велись записи про прийняття на навчання учнів із зазначенням року їхнього народження, місяця походження, терміну навчання, імен батьків та майстра, за яким закріплювався хлопець, записи про визволення